ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ СТАТЬЯ
https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.8
УДК 338.48
JEL R11, L83, Q56

CC BY 4.0
OPEN ACCESS

«Сервисные ядра» и «ресурсная периферия»: пространственные диспропорции экотуризма на Дальнем Востоке России [1]

Тхи Хиен ХОАНГ [1)] ✉, **Елена С. БОГОМОЛОВА** [2)]
[1, 2)] *Российский университет дружбы народов, г. Москва, Российская Федерация*

Для цитирования: Хоанг, Т. Х., Богомолова, Е. С. (2026). «Сервисные ядра» и «ресурсная периферия»: пространственные диспропорции экотуризма на Дальнем Востоке России. *AlterEconomics, 23*(3), 678–698. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.8

Аннотация. Экологический туризм является одним из ключевых факторов диверсификации экономики и устойчивого развития Дальнего Востока России. Его потенциал реализуется неравномерно, что ведет к концентрации антропогенной нагрузки в отдельных точках при слабой вовлеченности периферийных территорий. Цель исследования — выявить региональные диспропорции в развитии экотуризма и обосновать управленческие решения. Основной вклад работы в методологию исследования состоит в построении авторской аналитической модели, объединяющей три компоненты: коэффициент локализации, индекс природного потенциала и типологию регионов. Такая модель позволяет увязать уровень инфраструктурной готовности территории с её природным капиталом. Эмпирическая база исследования опирается на официальные данные Росстата, на основе которых был рассчитан коэффициент локализации для сферы гостеприимства, что дало возможность оценить специализацию субъектов Дальневосточного федерального округа. Полученные результаты свидетельствуют о ярко выраженной пространственной неравномерности: в Приморском и Хабаровском краях значение коэффициента локализации превышает единицу, тогда как в Камчатском крае и Амурской области этот показатель опускается ниже единицы. На основе этого показателя определена типология дальневосточных регионов, в которой выделены четыре типа территорий: «сервисные ядра», «ресурсная периферия», «сбалансированные регионы» и «слабо вовлечённые территории». Среди системных проблем, сдерживающих развитие экологического туризма, определены фрагментарность управления, нехватка инфраструктуры и усиливающаяся нагрузка на природные экосистемы. Решение данных трудностей предлагается на основе комплексного подхода, содержащего меры по пространственному зонированию; развитию сетевого взаимодействия между регионами и особо охраняемыми природными территориями; внедрению «умного» туризма и стимулированию государственно-частного партнёрства.

Ключевые слова: экологический туризм, Дальний Восток России, региональное развитие, диверсификация экономики, коэффициент локализации, управление туристскими потоками, пространственный анализ

Благодарность: Авторы выражают признательность редакции и рецензентам журнала «AlterEconomics» за конструктивную критику и тщательную работу, способствовавшие существенному улучшению статьи. Особую благодарность авторы выражают Высшей школе управления РУДН за поддержку и творческую атмосферу, способствовавшую работе над исследованием. Отдельная искренняя благодарность адресована А. Томилину (ФГБУ «ААНИИ») за оперативное предоставление ценных данных и консультации по системе особо охраняемых природных территорий Дальневосточного федерального округа, что позволило повысить точность, обоснованность и воспроизводимость проведенного анализа.

[1] © Хоанг Т. Х., Богомолова Е. С. Текст. 2026.

RESEARCH ARTICLE

“Service Cores” and “Resource Peripherals”: Spatial Imbalances of Ecotourism in Russia’s Far East

Hien T. HOANG [1)] ✉, **Elena S. BOGOMOLOVA** [2)]
[1, 2)] *Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation*

For citation: Hoang, H. T., & Bogomolova, E. S. (2026). “Service Cores” and “Resource Peripherals”: Spatial Imbalances of Ecotourism in Russia’s Far East. *AlterEconomics, 23*(3), 678–698. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2026.23-3.8

Abstract. Ecotourism is an important driver of economic diversification and sustainable development in the Russian Far East. However, its potential remains unevenly utilized, resulting in the concentration of anthropogenic pressure in a limited number of destinations, while peripheral territories with comparable natural resources remain underdeveloped. The aim of this study is to identify regional imbalances in ecotourism development and to substantiate evidence-based management strategies for their mitigation. To achieve this objective, the study pursues three tasks: the development of an analytical framework, the construction of a regional typology, and the formulation of policy recommendations. The main methodological contribution of the study is the development of an original analytical model that integrates the Location Quotient (LQ), the Natural Potential Index (NPI), and a regional typology based on their combined application. This framework enables an assessment of the relationship between a region’s tourism infrastructure development and its natural capital endowment. The analysis is based on official data from the Federal State Statistics Service (Rosstat). Using these data, the LQ of the hospitality sector was calculated to evaluate the degree of tourism specialization across the constituent regions of the Far Eastern Federal District. The results reveal substantial spatial disparities in ecotourism development. In Primorsky and Khabarovsk regions, the LQ exceeds 1, indicating a relatively high level of tourism specialization, whereas in Kamchatka Krai and Amur Oblast the indicator remains below 1 despite significant natural tourism potential. Based on the combined assessment of LQ and NPI, the regions are classified into four categories: service cores, resource peripheries, balanced regions, and territories with low tourism engagement. The study identifies fragmented governance, infrastructure deficits, and growing pressure on natural ecosystems as key constraints on sustainable development. To address these challenges, the paper proposes an integrated management framework based on four interrelated pillars: spatial zoning, the development of network cooperation between regions and specially protected natural areas, the implementation of smart tourism technologies, and the promotion of public-private partnerships. The findings can help inform tourism policy, territorial development strategies, and investment decisions in the Far Eastern Federal District.

Keywords: ecotourism, Russian Far East, regional development, economic diversification, location quotient, tourist flow management, spatial analysis

Acknowledgments: The authors express their gratitude to the editorial board and reviewers of the journal AlterEconomics for their constructive criticism and thorough work, which contributed significantly to improving the article. The authors are especially grateful to the Higher School of Management of RUDN University for its support and the creative atmosphere that facilitated this research. A special thank you is extended to A. Tomilin (FSBI “AARI”) for promptly providing valuable data and expert advice on the system of specially protected natural areas in the Far Eastern Federal District, which contributed to the accuracy, validity, and reproducibility of the analysis.

1. Введение

Диверсификация экономики Дальнего Востока России является императивом в условиях уязвимости сырьевой модели развития и усиления геоэкономических вызовов.

Экологический туризм, базирующийся на уникальном природно-ресурсном потенциале макрорегиона, рассматривается как одно из ключевых направлений несырьевой специализации и устойчивого роста. Данный тезис закреплён

в государственной программе развития региона, утверждённой Правительством Российской Федерации в 2018 г.[1], а также подтверждается в академических исследованиях (Оборин, 2020).

На Дальнем Востоке России существует заметный разрыв между заявленным туристско-рекреационным потенциалом и его фактическим использованием. Пространственная организация экотуризма в макрорегионе строится по модели «центр — периферия». Это означает, что основная инфраструктура и антропогенная нагрузка сконцентрированы в немногих точках роста — прежде всего в Приморском крае. В то же время обширные периферийные территории, обладающие сходными природными ресурсами, остаются слабо вовлечёнными в туристский оборот (Степанько, 2022; Давыборец, Радиков, 2023). Такая конфигурация порождает две взаимосвязанные проблемы. Первая — это рекреационная перегрузка «ядер» и риск деградации их уязвимых экосистем. Вторая — упущенные возможности для экономического роста и диверсификации в других субъектах ДФО. Для преодоления этого противоречия необходимо отказаться от точечных управленческих решений в пользу комплексного подхода, опирающегося на детальный региональный анализ и пространственную координацию.

Как будет показано в разделе 2, существующая литература не даёт ответа на ключевой вопрос: как на основе эмпирического сравнения субъектов ДФО по двум параметрам — инфраструктурной готовности и природному потенциалу — построить систему мер, способную превратить нынешнюю модель «ядро – периферия» в сбалансированную сеть экотуристских территорий. Этот междисциплинарный пробел остаётся пока не заполненным.

Большинство работ, включая исследования М.С. Оборина (2020) и Н.Г. Степанько (2022), сосредоточены либо на общем описании природного потенциала, либо на локальных проблемах отдельных территорий. При этом за скобками остаётся самое важное — количественный и сопоставимый анализ того, насколько регионы готовы инфраструктурно принимать туристов и как эта готовность соотносится с их природным капиталом.

Международная литература по туризму также страдает от методологических ограничений. В последние годы популярность набрали сетевые и кластерные подходы. Так, С. Фэн (Feng, 2025) трактует региональное развитие туризма через призму формирования межрегиональных сетей и пространственных эффектов распространения (*spillover effects*). Однако, как будет показано ниже, эти подходы не учитывают экологические ограничения и специфику управления особо охраняемыми природными территориями.

Автор показывает, что сетевые взаимодействия способны сглаживать диспропорции типа «ядро — периферия». Однако такие исследования в основном сосредоточены на экономико-пространственных аспектах сетей. Как правило, они не учитывают экологические ограничения и специфику управления территориями экотуризма. А это снижает их прикладную ценность для регионов с высокой природной уязвимостью, в т. ч. для Дальнего Востока.

Следовательно, центральный исследовательский вопрос данной работы формулируется следующим образом: как построить эффективную управленческую

[1] Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона». (2018). [Электронный ресурс]. https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70544078/ (дата обращения: 16.01.2026).

рамку для развития экологического туризма на Дальнем Востоке России, основанную на количественном анализе структурных дисбалансов между субъектами, с целью одновременного стимулирования *economic diversification* и обеспечения экологической устойчивости?

Цель исследования — путем сопоставительного анализа пространственной неравномерности развития экологического туризма в субъектах Дальнего Востока РФ выявить ключевые проблемы и предложить научно обоснованные механизмы управления для их преодоления.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1) провести диагностику современного состояния и пространственных диспропорций развития экотуризма в ДФО на основе анализа статистических данных;

2) оценить уровень специализации субъектов ДФО в сфере гостеприимства с помощью расчета коэффициентов локализации (Location Quotient, LQ);

3) систематизировать ключевые институциональные, инфраструктурные и экологические ограничения, препятствующие сбалансированному развитию экотуризма в макрорегионе;

4) на основе интеграции выводов анализа предложить систему управленческих решений (принципов), ориентированных на снижение пространственных диспропорций и формирование устойчивого эколого-туристского каркаса макрорегиона.

2. Теоретические основы и обзор исследований

Развитие туризма, особенно его экологической формы, глубоко укоренено в междисциплинарных теориях регионального развития и управления. Теории «умной специализации» (*smart specialisation*) и пространственного развития утверждают, что устойчивый рост базируется на использовании уникальных эндогенных преимуществ территории (Romão, 2020; Леонидова, 2024). Эмпирические исследования подтверждают, что диверсификация туристских рынков усиливает устойчивость региональной экономики к внешним шокам (Solarin et al., 2024; Yap et al., 2023). В этом контексте экотуризм на Дальнем Востоке позиционируется как стратегическое направление, способное реализовать конкурентное преимущество макрорегиона — его природный капитал.

Однако между декларируемым потенциалом и его реализацией существует системный разрыв, проявляющийся в классической дихотомии «ядро — периферия». Эмпирические данные (см. раздел 4) показывают, что концентрация антропогенной нагрузки и инфраструктуры в ограниченных точках роста, прежде всего в Приморском крае, контрастирует со слабой освоенностью периферийных территорий, обладающих сопоставимым природным капиталом (Степанько, 2022; Давыборец, Радиков, 2023). Такая конфигурация порождает двойную проблему: (1) рекреационную перегрузку и угрозу деградации уязвимых экосистем в «ядрах», и (2) нереализованные возможности для экономической диверсификации и развития местных сообществ на «периферии».

Анализ специализированной литературы позволяет выделить три ключевых исследовательских пласта, каждый из которых вносит вклад, но в отрыве от других не даёт целостного решения для макрорегионального планирования.

Концептуальные и аналитические основы. Фундаментальные работы по экотуризму формируют нормативную и этическую базу устойчивого развития туристских

территорий (Fennell, 2020)[1], в то время как классическая модель жизненного цикла туристских районов (Tourism Area Life Cycle, TALC), предложенная Р. Батлером, предоставляет теоретическую оптику для анализа пространственной динамики и трансформации конфигурации «ядро — периферия» (Butler, 1980). В методологическом арсенале региональной экономики широко применяются количественные инструменты диагностики отраслевой специализации, в частности коэффициент локализации (Location Quotient, LQ), позволяющий выявлять относительную концентрацию туристской и сервисной активности в регионах (Гришина и др., 2024). Параллельно развитие региональных экономических систем интерпретируется в рамках кластерного подхода. Его теоретические основания были заложены в классических работах М. Портера, где кластеры рассматриваются как механизм формирования устойчивых конкурентных преимуществ и кооперации акторов (Porter, 1990)[2]. В дальнейшем данный подход получил развитие и адаптацию в исследованиях российских авторов применительно к анализу территориальных и туристских кластеров (Кропинова, Митрофанова, 2011).

Несмотря на аналитическую ценность указанных концепций и инструментов, они, как правило, используются изолированно и редко интегрируются в рамках сравнительной пространственной диагностики реальных диспропорций развития экотуризма на уровне макрорегиона.

Микроуровневые и отраслевые исследования. Значительный прогресс достигнут в области прикладного управления на уровне отдельных объектов. Это включает в себя разработку методов расчёта рекреационной нагрузки (Белова и др., 2025), создание экологических стандартов для ООПТ (Тарчоков и др., 2025) и модели вовлечения местных сообществ (Кучумов, Печерица, 2023). Параллельно развивается направление, изучающее туризм как фактор диверсификации и «умной» специализации на макроэкономическом уровне (Romão, 2020; Леонидова, 2024). Однако эти работы, как правило, существуют изолированно: первые фокусируются на точечном регулировании, не решая задач макрорегиональной координации потоков, а вторые часто абстрагируются от конкретных экологических и инфраструктурных ограничений периферийных территорий.

Контекстуальные исследования Дальнего Востока. Глубокий анализ структурных, демографических и логистических барьеров развития макрорегиона содержится в трудах по региональной экономике (Краснопольский, 2020; Макар и др., 2021). Ряд прикладных работ посвящён организации экотуризма на конкретных территориях, таких как ООПТ (Астанин, 2021). Тем не менее туристско-рекреационный комплекс в этих исследованиях чаще рассматривается как второстепенный элемент или иллюстрация общих проблем, а не как самостоятельный объект стратегического планирования, требующий интегральной управленческой концепции.

Проведённый анализ демонстрирует, что существующие исследования формируют три изолированных «столпа»: общие теории и инструменты анализа, прикладные решения для микро- и макроуровня и контекстуальное знание о Дальнем Востоке. Ключевой пробел заключается в отсутствии связующего звена как исследования, которое адаптировало бы количественные инструменты пространственного анализа (LQ) для сравнительной диагностики инфраструктурной готовности (сервисной базы) и природного потенциала субъектов ДФО; интегрировало бы результаты

[1] Fennell, D. A. (2020). *Ecotourism* (5th ed.). Routledge.

[2] Porter, M. E. (1990). *The Competitive Advantage of Nations*. Free Press.

этой диагностики с контекстуальным знанием о структурных ограничениях региона и на этой комбинированной основе построило бы дифференцированную управленческую концепцию, предлагающую конкретные меры для разных типов территорий («ядро», «периферия», «сбалансированные зоны») с целью преодоления дилеммы «ядро — периферия» через кооперацию и перераспределение функций. Настоящее исследование направлено на устранение данного пробела.

3. Методология исследования

Методологическую основу работы составил комплексный подход, сочетающий количественный анализ статистических данных и качественный обзор научной литературы. Исследование нацелено на проведение сравнительного анализа структурных диспропорций и разработку на этой основе управленческих решений.

В основе эмпирического анализа лежат официальные статистические материалы, предоставляемые Росстатом. Эти сведения систематически публикуются в ежегодных выпусках «Регионы России. Социально-экономические показатели». Исследуемый временной промежуток — 2010–2023 гг. Географические рамки исследования охватывают шесть субъектов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа: Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Амурская и Сахалинская области, а также Республика Бурятия. Выборка репрезентирует ключевые типы эколого-туристских зон макрорегиона с различным уровнем социально-экономического развития, туристской освоенности и демографической динамики, что соответствует выводам исследований по пространственному развитию Дальнего Востока (Макар и др., 2021) и его экологической составляющей (Степанько, 2022). Дополнительно привлекались материалы государственных программ развития региона, стратегических документов и научных публикаций, посвящённых Дальнему Востоку РФ.

В условиях отсутствия в официальной статистике (Росстат) прямых данных по экологическому туризму в качестве прокси-индикатора для оценки развития туристской инфраструктуры была использована занятость в сфере «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» (ОКВЭД 55-56). Данный сектор представляет собой статистически обособляемую и фундаментальную составляющую туристско-рекреационного комплекса, развитие которой коррелирует с наличием базовой обслуживающей инфраструктуры, необходимой для приема и обслуживания туристов, включая экологических.

Для оценки уровня специализации регионов в данной сфере применяется коэффициент локализации (Location Quotient, LQ), рассчитываемый по формуле (1):

$$LQ = (E_i / E) / (N_i / N), \quad (1)$$

где E_i — количество человек, занятых в сфере гостиниц и общественного питания в конкретном i-м регионе ДФО;
E — общая численность занятых в экономике того же самого субъекта;
N_i — аналогичный показатель по сфере гостеприимства, но уже в масштабах всей Российской Федерации;
N — общая численность занятых в экономике России в целом.

Значение $LQ > 1$ указывает на повышенную концентрацию занятости в данной сфере относительно среднероссийского уровня, что свидетельствует о развитой

сервисной базе и потенциальных предпосылках для развития туризма. Значение LQ < 1 отражает более низкую, чем в среднем по стране, специализацию региона в этой области (Гришина и др., 2024). Результаты расчёта LQ для субъектов ДФО представлены в разделе 4 (табл. 3).

Следует признать, что LQ, рассчитанный для сферы гостеприимства, является косвенным индикатором (*proxy indicator*) и не измеряет напрямую «экологичность» или масштабы именно экотуристской деятельности. Он, прежде всего, отражает уровень развития базовой сервисной экономики региона. Однако именно эта инфраструктурная и кадровая основа выступает критически важным условием для освоения любого туристского потенциала, в т. ч. природного. Таким образом, LQ служит практически реализуемым и содержательно значимым инструментом для (1) сравнительной диагностики инфраструктурной готовности субъектов; (2) идентификации диспропорций по типу «ядро — периферия»; (3) количественного обоснования проектирования сетевых взаимодействий.

Для компенсации указанного выше ограничения и более точного приближения к предмету исследования — экологическому туризму — в работу вводится дополнительный количественный индикатор.

Как рассчитать индекс природного потенциала? Берём площадь ООПТ федерального и регионального значения. Делим её на общую площадь субъекта. Это и есть NPI. Данный индекс отражает объём доступного «природного капитала», являющегося ключевым материальным базисом для экотуризма (2):

$$NPI_i = (\text{Площадь ООПТ}_i / \text{Площадь субъекта}_i) \cdot 100\ \%. \quad (2)$$

Рассчитанные значения индекса NPI для шести субъектов ДФО приведены в таблице 4.

Для оценки фактической вовлечённости территорий в туристский оборот в работе использованы агрегированные показатели, предоставляемые Росстатом: туристские потоки (число прибытий), объем платных услуг населению в сфере туризма и гостеприимства, а также инвестиции в основной капитал, связанные с развитием туристской инфраструктуры. Эти показатели служат для анализа динамики, масштаба и экономической отдачи от туристской деятельности в субъектах ДФО.

Для обеспечения логической связности и перехода от разрозненных показателей к системным выводам применяется интегрированная аналитическая модель (*framework*). Модель исходит из того, что развитие экотуризма определяется взаимодействием трёх подсистем:

1) природно-ресурсная база, оцениваемая через индекс NPI;

2) уровень сервисной и инфраструктурной обеспеченности, оцениваемый через коэффициент LQ;

3) фактическая туристская активность, измеряемая показателями туристских потоков, объёма платных услуг населению и инвестиций (данные Росстата).

Таким образом, интеграция показателей NPI–LQ–Tourism Activity формирует трёхмерную диагностическую конструкцию. Результаты её применения — расчёт всех показателей, сравнительный анализ и построение итоговой типологии регионов — представлены в следующем разделе 4. Ключевым этапом является построение типологии на основе сочетания уровня специализации (LQ) и природного потенциала (NPI) с учётом динамики туристской активности, что позволяет

перейти от количественной оценки к пространственно дифференцированным управленческим решениям.

Основное ограничение связано с отсутствием в официальной статистике прямых данных по экотуристским потокам и доходам. В связи с этим использовались косвенные индикаторы (прокси), такие как общие туристские потоки и занятость в гостеприимстве, что может не в полной мере отражать специфику именно экологического сегмента. Тем не менее данные индикаторы являются общепринятыми для оценки туристско-рекреационного потенциала на макрорегиональном уровне, что подтверждается сложившейся статистической практикой. Индекс NPI также является упрощённым, но операциональным прокси-индикатором, отражающим количественную, а не качественную сторону природного капитала. Выбранный набор индикаторов рассматривается как методологически обоснованный компромисс в условиях ограниченной статистической наблюдаемости экотуризма.

Качественный анализ дополнял количественную диагностику и включал обзор современных исследований по вопросам пространственного развития, экологического менеджмента и регулирования туристских потоков. Это позволило интерпретировать полученные результаты с учетом институциональных и инфраструктурных особенностей макрорегиона и сформировать систему практических управленческих рекомендаций.

4. Анализ структурных диспропорций в развитии экотуризма

Рост внутреннего туристского спроса и государственные инициативы по развитию Дальнего Востока создают благоприятный макроэкономический фон для развития экотуризма. Этот фон формируется как действующей Государственной программой социально-экономического развития Дальнего Востока, так и научными исследованиями, обосновывающими роль туризма в региональном развитии (Romão, 2020). Однако анализ статистических данных Росстата за период 2010–2023 гг. выявляет существенную неоднородность динамики как туристских потоков, так и сопутствующих инвестиций в различных субъектах макрорегиона (табл. 1).

Таблица 1

Динамика платных услуг населению в ключевых субъектах ДФО (2010–2023 гг.)

Table 1

Dynamics of Paid Services to the Population in the Key Regions of the Far Eastern Federal District (2010–2023)

Субъект	Платные услуги, млн руб., 2010 г.	Платные услуги, млн руб., 2023 г.	Темп прироста, %	Инвестиции, млн руб., 2023 г.	Инвест. нагрузка, 2023 г.
Приморский край	81419	210225	158,2	400584	1,91
Хабаровский край	80300	161163	100,7	418705	2,60
Республика Бурятия	20723	61265	195,6	165261	2,70
Сахалинская область	34171	57831	69,2	305370	5,28
Камчатский край	16646	33405	100,7	128157	3,84
Амурская область	24750	60872	145,9	751058	12,34

Примечание: данные в действующих ценах; темп прироста — к 2010 г.; инвестиционная нагрузка — отношение инвестиций к объёму платных услуг (2023 г.).

Источник: сост. авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики (2024).

Как видно из данных таблицы 1, дифференциация между регионами носит резкий характер. Наибольший прирост платных услуг зафиксирован в Республике Бурятия (195,6 %) и Приморском крае (158,2 %). Критическим индикатором является экстремально высокая инвестиционная нагрузка в Амурской области (12,34) и Сахалинской области (5,28) по сравнению с Приморским краем (1,91). Это сигнализирует о формировании «инфраструктурного парадокса» удалённых территорий, когда значительные капитальные вложения не трансформируются в соразмерный рост сервисного выпуска, что соответствует выводам о высоких транзакционных издержках освоения макрорегиона (Аржаев и др., 2024), а также подтверждает роль транспортной удалённости и логистической сложности как ключевых барьеров (Пугачёв и др., 2021).

Анализ туристских потоков подтверждает рост, но с резкими контрастами между регионами (табл. 2). Самые высокие темпы прироста зафиксированы в Сахалинской области (1600 % — во многом из-за эффекта низкой базы) и в Приморском крае (235,6 %). В то же время регионы с богатым природным потенциалом — Республика Бурятия (10,1 %) и Амурская область (84,6 %) — показывают относительно скромный рост. Это говорит о наличии барьеров, не связанных напрямую с инфраструктурой.

Предлагаемый подход даёт возможность перейти от абстрактного кластерного моделирования к более точному, адресному управлению. В его основе лежит эмпирически обоснованная пространственная структура.

Таблица 2

Динамика туристских потоков и доходов туристской сферы в субъектах ДФО (2010 и 2023 гг.)

Table 2

Dynamics of Tourist Flows and Tourism Industry Revenues in the Regions of the Far Eastern Federal District (2010 and 2023)

Субъект РФ	Турпоток по ДФО, тыс. чел. (2010)	Турпоток по ДФО, тыс. чел. (2023)	Темп прироста, %	Платные услуги населению, млн руб. (2010)	Платные услуги населению, млн руб. (2023)	Темп прироста, %
Приморский край	4,5	15,1	235,6	81419	210225	158,2
Хабаровский край	19,8	26,8	35,4	80300	161163	100,7
Республика Бурятия	6,9	7,6	10,1	20723	61265	195,6
Сахалинская область	0,7	11,9	1 600,0	34171	57831	69,2
Камчатский край	8,5	16,3	91,8	16646	33405	100,7
Амурская область	2,6	4,8	84,6	24750	60872	145,9

Примечание: темп прироста рассчитан как относительное изменение показателей в 2023 г. по сравнению с 2010 г.

Источник: сост. авторами по (Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024. Раздел 7.10; раздел 16.19).

Чтобы объективно оценить, насколько экономика региона готова принимать туристов, и выявить возможные «точки роста», мы применили коэффициент локализации (LQ). Анализ проводился для сферы «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания». Этот коэффициент показывает, в какой степени регион специализируется на данной отрасли по сравнению со среднероссийским уровнем (табл. 3).

Расчёт коэффициента локализации (LQ) для сферы гостеприимства (табл. 3) объективно выявляет градацию специализации субъектов ДФО:

1) «Ядра» с LQ > 1: Приморский и Хабаровский края (LQ 1,08 и 1,10). Обладают развитой сервисной базой, могут выступать хабами;

2) «Периферия» с LQ < 1: Камчатский край и Амурская область (LQ 0,77 и 0,75). Критически низкая специализация в гостеприимстве, несмотря на уникальный природный бренд, что указывает на системный инфраструктурно-кадровый разрыв (Каргинова-Губинова и др., 2024).

3) «Средняя зона» (LQ ≈ 1). В эту группу входят Сахалинская область и Республика Бурятия.

Расчёты LQ не только подтверждают пространственный дисбаланс, но и позволяют выделить типы территорий: ядра, середняки и периферию. Это первый шаг к построению дифференцированной сетевой модели управления. Результаты легли в основу матрицы типологии регионов.

Таблица 3

Коэффициент локализации (LQ) сферы гостеприимства в субъектах ДФО, 2023 г.

Table 3

Localization Quotient (LQ) of the Hospitality Sector in the Regions of the Far Eastern Federal District, 2023

Субъект	Занято в средствах размещения и предприятиях питания, тыс. чел.	Общая занятость, тыс. чел.	LQ	Интерпретация
Приморский край	27,6	936,2	1,08	специализация немного выше средней
Камчатский край	3,4	161,4	0,77	специализация ниже средней
Хабаровский край	20,4	679,7	1,10	специализация немного выше средней
Сахалинская область	7,8	280,1	1,02	около среднего уровня
Республика Бурятия	9,7	376,8	0,94	около / ниже среднего уровня
Амурская область	8,2	399,9	0,75	специализация ниже средней

Примечание: расчёт коэффициента локализации выполняется следующим образом: $LQ = (E_i / E) / (N_i / N)$. В данной формуле под E_i понимается число работающих в гостиничном и ресторанном бизнесе в пределах рассматриваемого региона, а E — это совокупная занятость в экономике этого же региона. Показатель N_i фиксирует занятость в аналогичной сфере услуг, но уже в целом по Российской Федерации, тогда как N представляет собой общую численность занятых в российской экономике. Данный индикатор позволяет судить о том, насколько сильно регион специализируется на сфере гостеприимства по сравнению со среднероссийскими показателями. Если значение LQ оказывается больше единицы, это свидетельствует о повышенной специализации региона в данной отрасли. Если же LQ ниже единицы, значит, уровень специализации здесь более низкий, чем в среднем по стране.

Источник: сост. авторами по данным Росстата (табл. 3.3 и 3.5; «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024», данные за 2023 г.).

Для оценки природно-ресурсной базы экотуризма мы рассчитали индекс природного потенциала (NPI). Он показывает, какую часть региона занимают особо охраняемые природные территории (ООПТ). Для расчёта NPI мы взяли отношение площади ООПТ к общей площади субъекта. Необходимые исходные данные представлены в таблице 4.

Если смотреть на формальные значения, то наиболее высокие показатели характерны для Камчатского края (19,01 %) и Амурской области (11,07 %). Интересно, что самый низкий NPI зафиксирован в Республике Бурятия — лишь 8,92 %. Тем не менее полученные цифры позволяют сделать следующий вывод: основные регионы Дальнего Востока располагают достаточной ресурсной базой для развития экологического туризма.

На основании количественных данных была проведена типология субъектов ДФО, в результате которой выделены четыре группы. Ниже представлены основные характеристики каждой из них.

1. Первая группа — «сервисные ядра». К ней относятся Приморский и Хабаровский края. Для этих регионов характерны высокие значения коэффициента локализации и хорошо развитая инфраструктура. Фактически они выполняют функции транспортных, логистических и управленческих центров.

2. «Ресурсная периферия» — Камчатка и Амурская область. Здесь интересное противоречие: NPI высокий, а LQ — критически низкий. Получается структурный разрыв: уникальная природа есть, а сервиса почти нет (LQ < 0,8). Это сильно ограничивает возможности для роста.

3. «Сбалансированные регионы» — это Сахалин и Бурятия. У них и LQ, и NPI держатся на среднем уровне, что даёт шанс на устойчивое развитие и разнообразие турпродукта.

4. «Слабо вовлечённые территории». В нашей выборке таких явно не видно. Значит, даже у самых скромных субъектов ДФО есть какой-то базовый потенциал.

Таблица 4

Исходные данные для расчёта индекса природного потенциала (NPI) регионов ДФО

Table 4

Input Data for Calculating the Natural Potential Index (NPI) of the Regions of the Far Eastern Federal District

Регион	Площадь ООПТ, га	Общая площадь, га	NPI, %
Приморский край	2828199,0	16467300	17,17
Хабаровский край	8945603,6	78763300	11,36
Камчатский край	8825234,7	46427500	19,01
Амурская область	4007061,7	36191300	11,07
Сахалинская область	876169,9	8710100	10,06
Республика Бурятия	3135575,4	35133400	8,92

Примечание: индекс NPI отражает долю ООПТ в общей площади региона.

Источник: сост. авторами на основе официальных данных ГМЦ Росстата. Сведения об особо охраняемых природных территориях (ООПТ) Статистическая база данных. 2023 г. *Официальный сайт Росстата*. [Электронный ресурс]. https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPRrJRXlUFoewruIWgiA7dHQdDps7Vp6FYjfimPm7ZrPa39oGshpV58wfH1b6sxt4ujK3vsytqNx27-cb6HXVRbmYCnhYdFMpD7EEBuwd-hcQXs0olg0nlVEI_KCIj0I5YMFh75WbSE-3Yg%3D%3D%3Fsign%3DLVWCt2OKR5sRCC7jF0v3vP7m5XudXqN7PObus__hbJ8%3D&name=1-OOPT_2023.xlsx (дата обращения: 16.01.2026).

Какие отсюда следуют системные ограничения? Если собрать всё вместе, можно выделить несколько ключевых проблем.

Пространственный дисбаланс и разрыв. Приморье — явное «ядро» по турпотокам и LQ. А «периферия» (Камчатка, Амурская область) выглядит иначе: природа богатая, а сервисная экономика слабая. В итоге ядро перегружено, а потенциал периферии почти не используется.

Разрыв в инфраструктуре и логистике. В удалённых регионах огромные инвестиционные затраты при низком LQ. Это говорит о высоких издержках освоения. Деньги сюда идут, но в рост сервисного сектора они почти не конвертируются. Для макрорегиона это, увы, типичная картина (Краснопольский, 2020).

Нехватка институтов и кадров. Низкий LQ косвенно указывает на дефицит человеческого капитала. Проблема усугубляется оттоком молодёжи и людей трудоспособного возраста (Мищук, Моисеева, 2024) и общей депопуляцией стратегических территорий (Симагин, Муртузалиева, 2020). Всё это не даёт сформировать нормальную сервисную инфраструктуру.

Риск экологической перегрузки. Если туристические потоки будут и дальше концентрироваться в «ядрах», а мониторинга не будет, уязвимые экосистемы могут не выдержать. Исследователи уже фиксируют рост антропогенной нагрузки на ООПТ в регионе (Степанько, 2022). Как с этим бороться? Помочь могут инструменты оценки допустимой нагрузки (Белова и др., 2025).

Проведённый анализ показывает: проблема не в отсутствии ресурсов или спроса. Всё упирается в их крайне неравномерное распределение по территории. Плюс инфраструктурные, логистические и кадровые барьеры. Получается конфигурация «сильное ядро — слабая периферия с высокими издержками». Это доказывает, что точечные меры не работают. Нужен переход к единой сетевой модели управления. Она должна быть нацелена на преодоление пространственного разрыва и комплексное освоение потенциала макрорегиона. Именно эта логика и лежит в основе наших дальнейших предложений.

И ещё раз о типологии. Она построена на эмпирических порогах (LQ = 1, средний NPI). Типология не просто описывает дихотомию «ядро — периферия». Она вскрывает системную вещь: ни один регион не сочетает высокую инфраструктурную готовность (LQ) с богатым природным потенциалом (NPI). Это лишний раз подтверждает гипотезу о структурном разрыве или о большом временном лаге в развитии сервисной экономики на самых богатых природой территориях. А значит, здесь нужны особые подходы к управлению.

5. Обсуждение и управленческие решения

Пространственная конфигурация «ядро — периферия». Плюс к этому — явный разрыв между тем, как обстоят дела с инфраструктурой (наш LQ), и природным потенциалом (NPI). Всё это подводит к простой мысли: нужна не просто разрозненные меры, а целостная система управления. Дальнейшие принципы как раз и вытекают из нашей типологии и выявленных диспропорций.

Полученные результаты, кстати, подтверждают классическую дилемму пространственного развития «центр — периферия» (Строев, 2025). «Сервисные ядра», т. е. Приморский и Хабаровский края (там LQ > 1), сосредоточили у себя основной спрос. А вот «ресурсная периферия» (Камчатка, Амурская область, где LQ < 1)

страдает от хронической нехватки сервисной инфраструктуры. При этом нагрузка на инвестиции здесь колоссальная: 3,84 и 12,34 соответственно.

Обратим внимание на один важный момент. В удалённых регионах мы обнаружили обратную зависимость между LQ и инвестиционной нагрузкой. Назовём это «инфраструктурным парадоксом»: инвестиции высокие, а LQ низкий. Это лишний раз доказывает, что в условиях периферии классическая экономическая логика не работает — слишком велики издержки освоения. Просто увеличивать финансирование здесь недостаточно. Нужны особые механизмы, которые будут снижать удельные издержки. Частично это объясняется структурой самих вложений. На удалённых территориях большая часть инвестиций идёт в «жёсткую» инфраструктуру: транспорт, энергетику. А коэффициент LQ, который отражает сферу услуг, этого напрямую не учитывает. Это подчёркивает, что для преодоления диагностированного сервисного разрыва (низкий LQ) необходимы целенаправленные и эффективные инвестиции именно в «мягкую» гостинично-ресторанную инфраструктуру. Механизмы ГЧП, предлагаемые в Принципе 4, видятся адекватным инструментом для привлечения таких специализированных инвестиций, снижая удельные издержки для бизнеса.

Таким образом, ключевой управленческий вызов заключается в переходе от фрагментированных мер к согласованной системе, трансформирующей модель «ядро — периферия» в полицентричную сеть эколого-туристских дестинаций. На основе диагностики диспропорций предлагается система управленческих механизмов, основанных на четырёх принципах.

Принцип 1. Дифференциация управленческих задач по типам территорий. Эффективное управление требует чёткого разграничения подходов в зависимости от типа территории, выявленного в результате типологии. Ключевые управленческие ориентиры для каждого типа систематизированы в таблице 5.

Принцип 2. Приоритет сетевых межрегиональных продуктов. Создание сквозных маршрутов (например, «Вулканы Камчатки — Сихотэ-Алинь — Байкал») распределит потоки, увеличит доход и стимулирует кооперацию, что соответствует логике «умной» специализации (Romão, 2020; Леонидова, 2024) и подходам к развитию в турбулентной экономике (Нюренбергер и др., 2021).

Принцип 3. Внедрение цифровых инструментов управления. Для минимизации экологических рисков необходима цифровая платформа для мониторинга нагрузки на основе расчёта допустимой ёмкости (Белова и др., 2025), управления бронированием и анализа данных («умный туризм») (Gretzel et al., 2015). Ключевым условием является параллельное устранение цифрового разрыва на удалённых территориях (Панасюк, 2025).

Принцип 4. Стимулирование партнёрства (ГЧП) для развития инфраструктуры. Финансирование объектов смешанного использования (визит-центры, эко-тропы) через ГЧП с чёткими стандартами (Тарчоков и др., 2025) позволит преодолеть «инфраструктурный парадокс», снизив удельные издержки бизнеса.

Реализация этих принципов направлена на синергетический эффект: переход от конкуренции к кооперации для создания комплексного турпродукта, снижения диспропорций, роста добавленной стоимости и сохранения экологического потенциала. Перспективным направлением исследований является количественная оценка мультипликативных эффектов сетевых маршрутов.

Таблица 5

Дифференциация управленческих задач и инструментов по типам эколого-туристских территорий ДФО

Table 5

Differentiation of Management Objectives and Policy Instruments Across Types of Ecotourism Territories in the Far Eastern Federal District

Тип территории (по результатам типологии)	Ключевая управленческая задача	Приоритетные инструменты и меры
«Сервисные ядра» (Приморский и Хабаровский края)	Повышение качества услуг, диверсификация предложения, выполнение роли хаба для перераспределения потоков в периферийные регионы	Развитие компетенций (подготовка гидов, менеджеров), продвижение межрегиональных маршрутов, создание единых брендинговых платформ, внедрение стандартов качества
«Ресурсная периферия» (Камчатский край, Амурская область)	Целевая компенсация инфраструктурного дефицита для снижения стоимости турпродукта и повышения доступности уникальных природных объектов	Инвестиции в базовую сервисную инфраструктуру (гостиницы эконом-класса, визит-центры, кемпинги) через механизмы ГЧП, подготовка кадров на местах, создание логистических цепочек с «ядрами»
«Сбалансированные регионы» (например, Сахалинская область, Республика Бурятия)	Стабилизация и диверсификация туристского предложения, усиление кооперации как с «ядрами», так и с «периферией»	Поддержка кластерных инициатив, развитие нишевых продуктов (например, орнитологический, этнографический туризм), улучшение внутренней транспортной связанности
«Слабо вовлечённые территории»	Точечная активизация потенциала или переориентация на альтернативные специализации	Пилотные проекты по оценке реального потенциала, создание малых инфраструктурных объектов (экотропы, гостевые дома), интеграция в сетевые маршруты в качестве «точки интереса»

Источник: сост. авторами на основе результатов исследования.

В рамках настоящего исследования на концептуальном уровне можно прогнозировать, что реализация предложенной системы дифференцированных принципов управления создает основу для достижения измеримых социально-экономических и экологических эффектов. Ожидается, что скоординированное внедрение этих мер будет способствовать: (1) сокращению пространственного разрыва в уровне сервисной обеспеченности между «сервисными ядрами» и «ресурсной периферией» (что найдет отражение в сближении значений коэффициента локализации LQ); (2) увеличению средней продолжительности пребывания и расходов туристов за счет создания комплексных сетевых маршрутов; (3) снижению рекреационной нагрузки на уязвимые экосистемы в точках концентрации потоков благодаря перераспределению туристов и внедрению инструментов «умного» мониторинга; (4) росту вклада туризма в валовой региональный продукт субъектов ДФО за счет более полного использования их сравнительных преимуществ. Таким образом, предлагаемый подход направлен не только на диагностику проблем, но и на формирование механизмов для получения устойчивых положительных результатов диверсификации экономики макрорегиона.

6. Заключение

В ходе исследования мы выявили ключевые структурные диспропорции, сдерживающие развитие экотуризма на Дальнем Востоке России. Основой нашего анализа послужили данные официальной статистики и научная литература. С помощью коэффициента локализации (LQ) установлен глубокий пространственный разрыв между регионами. С одной стороны, «сервисные ядра» (Приморский и Хабаровский края) обладают развитой сервисной базой. С другой стороны, «ресурсная периферия» (Камчатский край и Амурская область) имеет уникальный природный потенциал, но испытывает дефицит кадров и инфраструктуры.

Наш главный научный вклад заключается в разработке и апробации аналитической модели, объединяющей три компонента: LQ, индекс природного потенциала (NPI) и типологию регионов. Модель позволяет не только констатировать диспропорции, но и проводить их сопоставимую пространственную диагностику. Благодаря ей мы выделили четыре типа территорий: «сервисные ядра», «ресурсная периферия», «сбалансированные регионы» и «слабо вовлечённые территории».

Мы установили, что традиционные подходы — точечные инвестиции и изолированное развитие территорий — не способны преодолеть эту диспропорцию. Более того, они могут усугублять экологические риски. Перспективы дальнейших исследований связаны с количественной оценкой мультипликативных эффектов от внедрения предложенной сетевой модели.

Выводы, полученные на основе данной модели, послужили непосредственным обоснованием для предложенной в статье системы дифференцированных управленческих механизмов. Эти механизмы, основанные на принципах пространственного зонирования, развития сетевых продуктов, внедрения цифровых инструментов и стимулирования ГЧП, ориентированы на формирование полицентричной и сетевой модели развития экотуризма. Их реализация ожидаемо будет способствовать сокращению пространственного разрыва в сервисной обеспеченности, перераспределению туристских потоков, снижению рекреационной нагрузки на ключевые ООПТ и, как следствие, увеличению вклада сектора в диверсификацию экономики макрорегиона.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенные механизмы предоставляют органам власти субъектов ДФО и федеральным институтам развития конкретные аналитические ориентиры для формирования региональных программ, инвестиционной политики и механизмов межрегионального взаимодействия. Их реализация будет способствовать трансформации экотуризма из набора локальных инициатив в управляемую макрорегиональную систему, обеспечивающую сбалансированный экономический рост и сохранение природного капитала.

Основным ограничением исследования остаётся отсутствие в официальной статистике прямых данных по экотуристским потокам, что требует использования косвенных индикаторов. В качестве перспективы дальнейших исследований представляется разработка системы специализированных показателей для мониторинга экотуризма, а также эмпирическая оценка социально-экономических и экологических эффектов от внедрения предложенных принципов, например, с применением методов квазиэкспериментального анализа. Для количественной оценки эффектов в дальнейших исследованиях предлагается использовать метод разности разностей (DID) на пилотных территориях после внедрения модели.

Список источников

Аржаев, Ф. И., Морковкин, Д. Е., Симагин, Ю. А. (2024). Уровень жизни в дальневосточном регионе: подходы к мониторингу и снижению диспропорций. *Народонаселение*, *27*(4), 114–127. https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-114-127

Астанин, Д. М. (2021). Эволюционное развитие моделей экологического туризма (на примере аспектов управления туристическими потоками). *ЦИТИСЭ*, (4(30)), 65–76. https://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.4.07

Белова, Т. М., Лаврова, Т. А., Малинин, А. М. (2025). Алгоритм графического расчета предельной экологической ёмкости рекреационной территории. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, (3(71)), 97–104. EDN VYQESP

Гришина, И. В., Полынев, А. О., Угрюмова, А. А. (2024). Влияние диверсификации экономики на производительность труда в российских регионах. *Регионология*, *32*(4), 691–711. https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.691-711

Давыборец, Е. Н., Радиков, И. В. (2023). Перспективы развития туризма на Дальнем Востоке России. *Вестник Забайкальского государственного университета*, *29*(2), 205–211. EDN QRKPJW

Каргинова-Губинова, В. В., Кондратьева, С. В., Морошкина, М. В. (2024). Возможности туризма жителей российской Арктики: внутри региона, в России и за рубежом. *Регионология*, *32*(4), 712–732. https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.712-732

Краснопольский, Б. Х. (2020). Дальний Восток как макрорегион: инфраструктурный аспект. *Пространственная экономика*, *16*(3), 181–196. https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.181-196

Кропинова, Е. Г., Митрофанова, А. В. (2011). Региональный туристский кластер как туристско-рекреационная система регионального уровня. *Региональные исследования*, (1(31)), 40–46. EDN NEHCYT

Кучумов, А. В., Печерица, Е. В. (2023). Управление развитием устойчивого туризма: социальные аспекты. *Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса*, *9*(1), 111–122. https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-9-1-1-0 EDN RDGDVL

Леонидова, Е. Г. (2024). Развитие перспективных экономических специализаций как условие роста региональной экономики. *Регионология*, *32*(3), 504–522. https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.504-522

Макар, С. В., Симагин, Ю. А., Ярашева, А. В. (2021). Пространственное развитие Дальнего Востока России: демографические и социально-экономические факторы. *Народонаселение*, *24*(1), 117–130. https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.11

Минакир, П. А., Рензин, О. М. (2021). Экономическая наука и региональное экономическое развитие: Дальний Восток. *Пространственная экономика*, *17*(3), 7–37. https://doi.org/10.14530/se.2021.3.007-037

Мищук, С. Н., Моисеева, Е. М. (2024). Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России. *Народонаселение*, (4), 18–33. https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-18-33

Нюренбергер, Л. Б., Петренко, Н. Е., Шурбе, В. З., Курнявкин, А. В., Приставка, М. В. (2021). Подходы к развитию регионального туризма в контексте турбулентности экономики впечатлений. *Экономика, предпринимательство и право*, *11*(12), 2967–2978. https://doi.org/10.18334/epp.11.12.113859

Оборин, М. С. (2020). Современная концепция развития экологического туризма в России. *Сервис в России и за рубежом*, *14*(4), 22–32. EDN JQHLIE

Панасюк, С. А. (2025). Социально-экономические факторы цифровизации и инновационного развития регионов России. *AlterEconomics, 22*(4), 704–721. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.8

Пугачёв, И. Н., Клиценко, М. В., Куликов, Ю. И. (2021). Особенности реализации нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» в условиях Дальнего Востока. *Сервис в России и за рубежом*, *15*(4), 126–133. EDN UXTCMX

Пьянкова, С. Г., Митрофанова, И. В., Ергунова, О. Т. (2024). Развитие экологического туризма в регионе: холистический подход к стратегическому управлению коммуникациями. *Региональная экономика. Юг России*, *12*(2), 81–90. https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.2.7

Сайфудинов, Б. Н., Джекшенова, Г. М. (2025). Формирование и развитие туристических кластеров в экономике Кыргызской Республики. *Вестник Бишкекского государственного университета*, (1(71)), 58–64.

Симагин, Ю. А., Муртузалиева, Д. Д. (2020). Демографические проблемы геостратегических территорий Дальнего Востока России. *Народонаселение*, *23*(4), 153–160. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.14

Степанько, Н. Г. (2022). Экологическая составляющая развития туризма и рекреации на российском Дальнем Востоке. *Московский экономический журнал*, *7*(7), 22. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_7_393

Строев, П. В. (2025). Пространственное распределение экономических ресурсов в условиях новых вызовов развитию России. *AlterEconomics*, *22*(2), 185–202. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.2

Тарчоков, С. К., Аникина, Л. А., Фоменко, О. В. (2025). Влияние экологических стандартов на эффективное управление туристскими потоками. *Вестник Алтайской академии экономики и права*, (4), 362–367. https://doi.org/10.17513/vaael.4116

Третьякова, Т. Н., Сыромятникова, Ю. А., Фрейнкина, И. А., Довгалюк, И. М., Бранков, Й. (2023). Современные подходы к исследованию проблем устойчивого развития в индустрии туризма и гостеприимства (обзор литературы). *Человек. Спорт. Медицина*, *23*(S1), 161–174. EDN QHBFIZ

Butler, R. W. (1980). The concept of a tourist area cycle of evolution: Implications for management of resources. *Canadian Geographer*, *24*(1), 5–12. https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1980.tb00970.x

Chu, N.-C., Wu, X.-L., & Zhang, P.-Y. (2022). Spatiotemporal evolution characteristics of coordinated development of urbanization and ecological environment in eastern Russia—Perspectives from the 3D global trend and 2D plane analysis. *PLoS ONE, 17*(7), e0267272. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267272

Cui, X. (2025). Comprehensive evaluation model of ecotourism, economic development and ecological environment: Taking Shennongjia National Park as an example. *Frontiers in Public Health*, *13*, 1569684. https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1569684

Feng, X. (2025). Analysis of the network structure and spatial spillover effects of the regional tourism economy. *PLoS ONE, 20*(2), e0318243. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0318243

Gretzel, U. (2018). From smart destinations to smart tourism regions. *Investigaciones Regionales-Journal of Regional Research*, (42), 171–184.

Gretzel, U., Sigala, M., Xiang, Z., & Koo, C. (2015). Smart tourism: Foundations and developments. *Electronic Markets*, *25*(3), 179–188. https://doi.org/10.1007/s12525-015-0196-8

Grimstad, S., & Burgess, J. (2014). Environmental sustainability and competitive advantage in a wine tourism micro-cluster. *Management Research Review*, *37*(6), 553–573. https://doi.org/10.1108/mrr-01-2013-0019

Hernández-López, L., Del Barrio-García, S., & Prados-Peña, M. B. (2023). How do ecotourists co-create value on digital platforms? The moderating role of ecotourist typology. *Spanish Journal of Marketing - ESIC*, *27*(3), 324–347. https://doi.org/10.1108/sjme-02-2022-0018

Herterich, M. M., Dremel, C., Wulf, J., & Vom Brocke, J. (2023). The emergence of smart service ecosystems — The role of socio-technical antecedents and affordances. *Information Systems Journal*, *33*(3), 524–566.

Hsu, A. Y.-C., King, B., & Wang, D. (2024). Adaptability among inbound tour operators in a disrupted business environment. *R&D Management*, *54*(4), 791–808. https://doi.org/10.1111/radm.12595

Lu, F., Ren, H., & Zhai, X. (2023). Dynamic evolution characteristics of tourism ecosystem health. *Frontiers in Public Health*, *11*, 1127980. https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1127980

Porter, M. E. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, *76*(6), 77–90.

Romão, J. (2020). Tourism, smart specialisation, growth, and resilience. *Annals of Tourism Research*, *84*, 102995. https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102995

Sarieva, M., & Kadyrova, B. (2025). Tourism development as a driver of economic growth in the Kyrgyz Republic. *Bulletin of Science and Practice*, *11*(12), 433–437. https://doi.org/10.33619/2414-2948/121/53

Solarin, S. A., Ulucak, R., & Erdogan, S. (2024). Assessing the Economic Impacts of Tourism Markets and Activities Diversification: Evidence from a New Dynamic Regression Approach. *Journal of Travel Research*, *63*(8), 2078–2093. https://doi.org/10.1177/00472875231203395

Stienmetz, J., & Kolomoyets, Y. (2024). Stakeholder Requirements and Governance for the European Data Space for Tourism. In K. Berezina, L. Nixon, A. Tuomi (Eds.), *Information and Communication Technologies in Tourism 2024* (pp. 278–283). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-58839-6_30

Wang, M., & Zuo, J. (2025). Measurement and evaluation of low-carbon tourism development on islands: A case study in Changdao, China. *PLoS ONE*, *20*(1), e0312490. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0312490

Wang, Y., Li, Y., Zheng, L., & Zhang, Y. (2025). Research on the coordinated measurement and spatiotemporal evolution of digital economy empowering ecotourism. *PLoS ONE*, *20*(5), e0323723. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0323723

Withanage, N. C., Wijesinghe, D. C., Mishra, P. K., Abdelrahman, K., Mishra, V., & Fnais, M. S. (2024). An ecotourism suitability index for a world heritage city using GIS-multi criteria decision analysis techniques. *Heliyon*, *10*(11), e31585. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e31585

Yao, H., Zou, Z., Zhu, Y., & Zhou, C. (2025). From pursuing quantity to pursuing quality: Exploring the coupling coordination and influencing factors of high-quality tourism development and ecosystem service value in the Pearl River Delta urban agglomeration of China. *Frontiers in Public Health*, *13*, 1705088. https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1705088

Yap, G., Saha, S., Ndubisi, N. O., Alsowaidi, S. S., & Saleh, A. S. (2023). Can tourism market diversification mitigate the adverse effects of a blockade on tourism? Evidence from Qatar. *Tourism Economics*, *29*(4), 880–905. https://doi.org/10.1177/13548166211070742

Yasin, K. H., & Woldemariam, G. W. (2023). GIS-based ecotourism potentiality mapping in the East Hararghe Zone, Ethiopia. *Heliyon*, *9*(8), e18567. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e18567

Zheng, Y., & Wu, Y. (2023). An investigation of how perceived smart tourism technologies affect tourists' well-being in marine tourism. *PLoS ONE*, *18*(8), e0290539. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0290539

References

Arzhaev, F. I., Morkovkin, D. E., & Simagin, Yu. A. (2024). Living Standards in the Far Eastern Region: Approaches to Monitoring and Reducing Imbalances. *Narodonaselenie [Population]*, *27*(4), 114–127. https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-114-127 (In Russ.)

Astanin, D. M. (2021). Evolutionary Development of Models Ecotourism (On the Example of Management Aspects Tourist Flows). *TSITISE [CITISE]*, (4(30)), 65–76. https://doi.org/10.15350/2409-7616.2021.4.07 (In Russ.)

Belova, T. M., Lavrova, T. A., & Malinin, A. M. (2025). Algorithm for Graphical Calculation of the Maximum Ecological Capacity of a Recreational Area. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie [Bulletin Tver State University. Series: Economics and Management]*, (3(71)), 97–104. EDN VYQESP (In Russ.)

Butler, R. W. (1980). The concept of a tourist area cycle of evolution: Implications for management of resources. *Canadian Geographer*, *24*(1), 5–12. https://doi.org/10.1111/j.1541-0064.1980.tb00970.x

Chu, N.-C., Wu, X.-L., & Zhang, P.-Y. (2022). Spatiotemporal evolution characteristics of coordinated development of urbanization and ecological environment in eastern Russia — Perspectives from the 3D global trend and 2D plane analysis. *PLoS ONE, 17*(7), e0267272. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0267272

Cui, X. (2025). Comprehensive evaluation model of ecotourism, economic development and ecological environment: Taking Shennongjia National Park as an example. *Frontiers in Public Health*, *13*, 1569684. https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1569684

Davyborets, E. N., & Radikov, I. V. (2023). Prospects for the Tourism Development in the Russian Far East. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Transbaikal State University Journal]*, *29*(2), 205–211. EDN QRKPJW (In Russ.)

Feng, X. (2025). Analysis of the network structure and spatial spillover effects of the regional tourism economy. *PLoS ONE, 20*(2), e0318243. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0318243

Gretzel, U. (2018). From smart destinations to smart tourism regions. *Investigaciones Regionales-Journal of Regional Research*, (42), 171–184.

Gretzel, U., Sigala, M., Xiang, Z., & Koo, C. (2015). Smart tourism: Foundations and developments. *Electronic Markets*, *25*(3), 179–188. https://doi.org/10.1007/s12525-015-0196-8

Grimstad, S., & Burgess, J. (2014). Environmental sustainability and competitive advantage in a wine tourism micro-cluster. *Management Research Review*, *37*(6), 553–573. https://doi.org/10.1108/mrr-01-2013-0019

Grishina, I. V., Polynev, A. O., & Ugryumova, A. A. (2024). The Impact of Economic Diversification on Labor Productivity in Russian Regions. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*, *32*(4), 691–711. https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.691-711 (In Russ.)

Hernández-López, L., Del Barrio-García, S., & Prados-Peña, M. B. (2023). How do ecotourists co-create value on digital platforms? The moderating role of ecotourist typology. *Spanish Journal of Marketing — ESIC*, *27*(3), 324–347. https://doi.org/10.1108/sjme-02-2022-0018

Herterich, M. M., Dremel, C., Wulf, J., & Vom Brocke, J. (2023). The emergence of smart service ecosystems — The role of socio-technical antecedents and affordances. *Information Systems Journal*, *33*(3), 524–566.

Hsu, A. Y.-C., King, B., & Wang, D. (2024). Adaptability among inbound tour operators in a disrupted business environment. *R&D Management*, *54*(4), 791–808. https://doi.org/10.1111/radm.12595

Karginova-Gubinova, V. V., Kondrateva, S. V., & Moroshkina, M. V. (2024). Tourism Opportunities for Residents of the Russian Arctic: Within the Region, in Russia and Abroad. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*, *32*(4), 712–732. https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.712-732 (In Russ.)

Krasnopolski, B. H. (2020). Far Eastern Russia as a Macro Region: The Infrastructure Aspect. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, *16*(3), 181–196. https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.3.181-196 (In Russ.)

Kropinova, E. G., & Mitrofanova, A. V. (2011). Regional tourist cluster as a tourist-recreation system at the regional level. *Regional'nyye issledovaniya [Regional Research]*, (1(31)), 40–46. EDN NEHCYT (In Russ.)

Kuchumov, A. V., & Pecheritsa, E. V. (2023). Management of sustainable tourism development: Social aspect. *Nauchnyy result. Tekhnologii biznesa i servisa [Research Result. Business and Service Technologies]*, *9*(1), 111–122. https://doi.org/10.18413/2408-9346-2023-9-1-1-0 EDN RDGDVL (In Russ.)

Leonidova, E. G. (2024). Development of Prospective Economic Specializations as a Condition for Regional Economic Growth. *Regionologiya [Russian Journal of Regional Studies]*, *32*(3), 504–522. https://doi.org/10.15507/2413-1407.128.032.202403.504-522 (In Russ.)

Lu, F., Ren, H., & Zhai, X. (2023). Dynamic evolution characteristics of tourism ecosystem health. *Frontiers in Public Health*, *11*, 1127980. https://doi.org/10.3389/fpubh.2023.1127980

Makar, S. V., Simagin, Yu. A., & Yarasheva, A. V. (2021). Spatial Development of the Russian Far East: Demographic and Socio-Economic Factors. *Narodonaselenie [Population]*, *24*(1), 117–130. https://doi.org/10.19181/population.2021.24.1.11 (In Russ.)

Minakir, P. A., & Renzin, O. M. (2021). Economic Science and Regional Economic Development: The Russian Far East. *Prostranstvennaya Ekonomika [Spatial Economics]*, *17*(3), 7–37. https://doi.org/10.14530/se.2021.3.007-037 (In Russ.)

Mishchuk, S. N., & Moiseeva, E. M. (2024). Regional characteristics of migration age structure in the Russian Far East. *Narodonaselenie [Population]*, (4), 18–33. https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-4-18-33 (In Russ.)

Nyurenberger, L. B., Petrenko, N. E., Shurbe, V. Z., Kurnyavkin, A. V., & Pristavka, M. V. (2021). Approaches to the regional tourism development amidst the experience economy turbulence. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law]*, *11*(12), 2967–2978. https://doi.org/10.18334/epp.11.12.113859 (In Russ.)

Oborin, M. S. (2020). The Modern Development Concept of Ecological Tourism in Russia. *Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad]*, *14*(4), 22–32. EDN JQHLIE (In Russ.)

Panasiuk, S. A. (2025). Socio-Economic Factors of Digitalization and Innovation Development in Russian Regions. *AlterEconomics*, *22*(4), 704–721. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-4.8 (In Russ.)

Porter, M. E. (1998). Clusters and the new economics of competition. *Harvard Business Review*, *76*(6), 77–90.

Pugachev, I. N., Klitsenko, M. V., & Kulikov, Yu. I. (2021). The Features of National Project Realization "Tourism and Hospitality Industry" in Russian Far East. *Servis v Rossii i za rubezhom [Services in Russia and Abroad]*, *15*(4), 126–133. EDN UXTCMX (In Russ.)

Pyankova, S. G., Mitrofanova, I. V., & Ergunova, O. T. (2024). Development of ecological tourism in region: Holistic approach to strategic communication management. *Regionalnaya ekonomika. Yug Rossii [Regional Economy. South of Russia]*, *12*(2), 81–90. https://doi.org/10.15688/re.volsu.2024.2.7 (In Russ.)

Romão, J. (2020). Tourism, smart specialisation, growth, and resilience. *Annals of Tourism Research*, *84*, 102995. https://doi.org/10.1016/j.annals.2020.102995

Saifudinov, B. N., & Dzhekshenova, G. M. (2025). Formation of a Tourism Cluster in Economy of the Kyrgyz Republic. *Vestnik Bishkekskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bishkek State University]*, (1(71)), 58–64. (In Russ.)

Sarieva, M., & Kadyrova, B. (2025). Tourism development as a driver of economic growth in the Kyrgyz Republic. *Bulletin of Science and Practice*, *11*(12), 433–437. https://doi.org/10.33619/2414-2948/121/53

Simagin, Yu. A., & Murtuzalieva, D. D. (2020). Demographic problems of geostrategic territories of the Russian Far East. *Narodonaselenie [Population]*, *23*(4), 153–160. https://doi.org/10.19181/population.2020.23.4.14 (In Russ.)

Solarin, S. A., Ulucak, R., & Erdogan, S. (2024). Assessing the Economic Impacts of Tourism Markets and Activities Diversification: Evidence from a New Dynamic Regression Approach. *Journal of Travel Research*, *63*(8), 2078–2093. https://doi.org/10.1177/00472875231203395

Stepanko, N. G. (2022). Environmental Component of the Development of Tourism and Recreation in the Russian Far East. *Moskovskiy ekonomicheskiy zhurnal [Moscow Economic Journal]*, *7*(7), 22. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_7_393 (In Russ.)

Stienmetz, J., & Kolomoyets, Y. (2024). Stakeholder Requirements and Governance for the European Data Space for Tourism. In K. Berezina, L. Nixon, A. Tuomi (Eds.), *Information and Communication Technologies in Tourism 2024* (pp. 278–283). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-031-58839-6_30

Stroev, P. V. (2025). Methodological Foundations behind Modern Approaches to the Spatial Distribution of Economic Resources in Russia. *AlterEconomics*, *22*(2), 185–202. https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2025.22-2.2 (In Russ.)

Tarchokov, S. K., Anikina, L. A., & Fomenko, O. V. (2025). Influence of environmental standards on effective management of tourist flows. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law]*, (4), 362–367. https://doi.org/10.17513/vaael.4116 (In Russ.)

Tretiakova, T. N., Syromiatnikova, Y. A., Freinkina, I. A., Dovgaliuk, I. M., & Brankov, J. (2023). Modern approaches to sustainable development in tourism and hospitality (review article). *Chelovek. Sport. Meditsina [Human. Sport. Medicine]*, *23*(S1), 161–174. EDN QHBFIZ (In Russ.)

Wang, M., & Zuo, J. (2025). Measurement and evaluation of low-carbon tourism development on islands: A case study in Changdao, China. *PLoS ONE*, *20*(1), e0312490. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0312490

Wang, Y., Li, Y., Zheng, L., & Zhang, Y. (2025). Research on the coordinated measurement and spatiotemporal evolution of digital economy empowering ecotourism. *PLoS ONE*, *20*(5), e0323723. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0323723

Withanage, N. C., Wijesinghe, D. C., Mishra, P. K., Abdelrahman, K., Mishra, V., & Fnais, M. S. (2024). An ecotourism suitability index for a world heritage city using GIS-multi criteria decision analysis techniques. *Heliyon*, *10*(11), e31585. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e31585

Yao, H., Zou, Z., Zhu, Y., & Zhou, C. (2025). From pursuing quantity to pursuing quality: Exploring the coupling coordination and influencing factors of high-quality tourism development and ecosystem service value in the Pearl River Delta urban agglomeration of China. *Frontiers in Public Health*, *13*, 1705088. https://doi.org/10.3389/fpubh.2025.1705088

Yap, G., Saha, S., Ndubisi, N. O., Alsowaidi, S. S., & Saleh, A. S. (2023). Can tourism market diversification mitigate the adverse effects of a blockade on tourism? Evidence from Qatar. *Tourism Economics*, *29*(4), 880–905. https://doi.org/10.1177/13548166211070742

Yasin, K. H., & Woldemariam, G. W. (2023). GIS-based ecotourism potentiality mapping in the East Hararghe Zone, Ethiopia. *Heliyon*, *9*(8), e18567. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e18567

Zheng, Y., & Wu, Y. (2023). An investigation of how perceived smart tourism technologies affect tourists' well-being in marine tourism. *PLoS ONE*, *18*(8), e0290539. https://doi.org/10.1371/journal.pone.0290539

Информация об авторах

Хоанг Тхи Хиен — аспирант, Высшая школа управления, Российский университет дружбы народов (РУДН); https://orcid.org/0009-0009-8471-4732 (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: 1042255285@rudn.ru).

Богомолова Елена Сергеевна — доктор экономических наук, профессор, Высшая школа управления, Российский университет дружбы народов (РУДН); https://orcid.org/0000-0001-5547-1967 (Российская Федерация, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6; e-mail: bogomolova-es@rudn.ru).

About the authors

Hien T. Hoang — PhD student, Higher School of Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); https://orcid.org/0009-0009-8471-4732 (6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: 1042255285@rudn.ru).

Elena S. Bogomolova — Dr. Sci. (Econ.), Professor, Higher School of Management, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University); https://orcid.org/0000-0001-5547-1967 (6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation; e-mail: bogomolova-es@rudn.ru).

Дата поступления рукописи: 18.01.2026.
Прошла рецензирование: 03.02.2026.
Принято решение о публикации: 15.09.2026.
Received: 18 Jan 2026.
Reviewed: 03 Feb 2026.
Accepted: 15 Sep 2026.